

Свете тихий, невечерний

Жизнь от падения к восхождению

Не суетись, душа моя: не дай оглохнуть уху сердца от грохота суеты твоей

Блаженный Августин

Вместо вступления

Взявшись за статью, посвящённую празднику Преображения Господня, я, имея некоторый опыт письменных работ, быстро и легко набросал в уме примерный план – о чём следует сказать, какие использовать источники по истории Церкви и богословию, цитаты из творений каких святых отцов следует привести и проч. Однако в ходе подготовки к написанию статьи, погрузившись в исследование доступного материала, что называется, с головой, вдруг почувствовал холодок: как писать о том, чего сам не пережил? не будет ли это лицемерным и механическим воспроизведением чужого, непрожитого мною самим, опыта? ведь зачастую страсти мои просто вопиют о неусвоенности евангельского учения... Как же быть? Утешение и ободрение нашёл в словах Антония Сурожского, сказанных им о самом себе: «Я очень нехороший человек, но всё, что я говорю о Боге, – правда». Всё, написанное ниже, родилось именно в переживании Православия как вести о Преображении.

Смута иконоборчества

Христиане есть православные и инославные. Чем отличается Православие от веры протестантов и католиков? Много чем, но вот что сразу бросается в глаза – различие отношений к иконам и фрескам (настенным изображениям). У протестантов их нет, у католиков они иные. Почему же? Традиция так сложилась? Отнюдь: в VIII веке в Византии борьба между иконоборцами и почитателями икон вылилась фактически в затяжное гражданское противостояние, в котором не щадили живота ни своего, ни чужого. Вовсе не за традицию пострадало великое множество мучеников и исповедников, не ради неё вспыхивали ожесточённые споры и плелись интриги, как мы бы сейчас сказали, «в коридорах власти». Соборы епископов отстаивали не преимущество одной религиозной традиции над другой. И то, что день победы иконопочитателей над партией иконоборцев назван Торжеством Православия, свидетельствует не о любви византийцев к витиеватой и высокопарной риторике (уж что было, то было). Это на самом деле был День Победы. День, когда свет в очередной раз восторжествовал над тьмой.

Ценность священного изображения заключена не в его художественной эстетике, а в том послании, которое оно несёт. Икона по своей сути является зримым выражением определённой идеи, исповеданием христианской веры. Если Евангелие проповедует словами, то икона делает то же самое красками - святой образ Спасителя показывает **реальность**, а не призрачность (как учили некоторые еретики) Боговоплощения, и в этом он совершенно согласен со Священным Писанием: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам», - пишет апостол Иоанн в своём послании (1 Ин. 1:1-2). В борьбе с иконоборческой ересью Церковь отстаивала чистоту евангельской проповеди о спасении, совершённом Христом.

Обновляя естество

Что понимать под спасением? Избавление от вечного пребывания в некоем подобии колонии строгого режима - ада, где черти жарят грешников на сковородках? Прощение и получение бесплатной путёвки в санаторий вечного блаженства – рай? Но это не спасение, это амнистия. Человек помилован – и только. А причина и последствия грехопадения никак не уврачены. Такое упрощённое, даже сказал бы, мелкое понимание спасения присуще инославным вероучениям. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», - вот о какой высоте говорит православное церковное Предание. Ни больше, ни меньше. В этом смысле спасение – это теозис, достижение состояния обожения: восстановление в себе искалеченного грехом образа Божия. Если Бог говорит: «Ладно, Я вас прощаю», - это здорово и радостно слышать. Но этого мало для человека, ум, воля и чувства которого изуродованы грехом, а тело подвержено тлению. Мало сказать человеку со сломанной ногой, давай, мол, вставай, на тебя уже не сердятся. А он не может встать – у него нога сломана. Человеку нужно не только прощение, но и исцеление – глубокое преобразование всего естества.

Какая же существует связь между иконами и Преображением? Священное Писание неоднократно говорит о Боге как о свете: «И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5); Сам Иисус Христос говорит о Себе: «Я – свет миру» (Ин. 8.12); Церковь в символе веры исповедует Сына Божьего как «Света от Света, Бога истинного от Бога истинного». На горе Фавор Спаситель преобразился перед Петром, Иоанном и Иаковом и «одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9:3). В нашем понимании говоря, что некто преобразился, мы имеем в виду, что он изменился, стал лучше, чем был прежде. Но стал ли лучше Иисус Христос? Позволительно ли вообще сказать о Боге (т.е. бого-словствовать), что раньше Ему чего-то не хватало, а вот теперь всё в порядке – перед нами совершенство? Конечно же, нет. Он

не стал Тем, Кем прежде не был. Но Он позволил апостолам увидеть Себя таким, каким был всегда. Как будто истончилась завеса плоти, и их осиял нетварный свет Божий, действующий во всём мире, свет, которым просвещается и преображается всё творение.

Наиболее известны две иконы праздника Преображения Господня.

На одной, написанной Феофаном Греком для Преображенского собора Переславля-Залесского, свет преображения представлен как огонь, готовый воспламенить собой весь мир. «Белые молнии "разрезают" пространство, вонзаясь в плоть земли, и всё вокруг озаряется сиянием. Луч света как копьём пригвозждает каждого из апостолов к земле. Они *"пали на лица свои и очень испугались"* (Мф. 17.6)», - пишет в своей книге «Богословие иконы» преподаватель Коломенской духовной семинарии Ирина Языкова. Эта икона – драма встречи двух миров. Потрясённые ученики, лишь на мгновение узревшие неземной свет, едва выдерживают его сияние.

«Свете тихий», невечерний, то есть незаходящий, вечный – таким представлен свет на другой иконе, принадлежащей кисти Андрея Рублёва. На ней нет пронизывающих лучей; её свет ровен и мягок, он разлит во всём творении почти невидимо, просвечивая собой всю природу – и людей, и землю, и растения. Кажется, для того чтобы его видеть, себя нужно готовить, потому что и здесь показана дистанция между миром божественным и человеческим. К этому свету нужно восходить, стяжая его, насколько это возможно через исполнение заповедей Божиих, через участие в Таинствах Церкви.

Падение человека потрясло всю вселенную, и смерть стала царствовать. С тех пор «...вся тварь совокупно стенает и мучится донныне...» (см. Рим. 8:18-23), в надежде ожидая освобождения из рабства тления. Исполнение Фаворским светом приобщает человека божественной жизни, обновляя всё его естество во всём составе – и душу, и тело. «На Фаворе не только Божество является человекам, но и человечество является в Божественной славе», - говорит митрополит Филарет Московский. За преображением человека следует и преображение всего тварного мира. В напоминание об этом мы приносим в храм плоды нового урожая для освящения, и сама природа участвует в богослужении, празднуя вместе с нами Преображение Господне.

Освящённые Преображением

Праздничные иконы и иконы святых имеют одно примечательное сходство – на них, за редким исключением, нет теней. Это не случайность. Золотой, серебристый или голубой цвет фона на иконописном языке называется «светом», который заполняет всё пространство иконы и даже как будто выходит вовне. Икона - это мир Горнего

Иерусалима, который «не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» (Откр. 21:23). Святые изображены на иконах в преображённом состоянии: их души и тела очищены от греха и напоены благодатным сиянием.

Всё Православие и православная икона в частности – это весть о Преображении, весть о том, что мы можем стать иными. Человек вообще существо становящееся. Мы все в процессе динамики. Нам свойственно становиться такими, какими мы ещё не были. Жития святых говорят о том, что совсем не многие из них были с младенчества наставлены благочестивыми родителями в вере. Были среди них и блудники, и бандиты, и колдуны, и пьяницы. Всё, как у нас. Но однажды Бог постучал в сердце каждого из них. Они впустили Его, и тихий, невечерний свет Преображения осиял их. Наверное, произошло это не сразу, не в один миг. Были годы борьбы с грехом, были падения и слёзы покаяния – трудное восхождение на Фавор. «Это восхождение человека – процесс, обратный его падению, начало освобождения мира от беспорядка и тления, ибо обожение, достигнутое святым, есть начаток преображения всего мира...»¹

Иногда меня посещает одна мысль. Из-за треска и грохота мира её едва слышно, она почти неуловима, но в редкие мгновения внутренней тишины я в свои 45, кажется, начинаю догадываться, на что дана человеку жизнь...

Евгений Буряков

¹ Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви.

Виталий, здесь же, в тексте, пишу свои пояснения. Предлагаю ту часть текста, где говорится об иконах (выделено отточиями и синим цветом), сверстать отдельным блоком, в отдельной рамке – при этом постараться разместить этот блок предельно ближе к тому месту, где он находится в текстовом варианте. И туда, в эту рамку, поместить рядом две иконы Преображения. Мне кажется так смотреться будет намного легче, и для читателя – привлекательней.